

Статья:

Байнев, В.Ф. Система неокolonизации XXI века / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник // Новая экономика. – 2009. – №5–6. – С. 3–11.

СИСТЕМА НЕОКОЛОНИЗАЦИИ XXI ВЕКА

Байнев Валерий Федорович,

профессор кафедры менеджмента Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

Винник Вячеслав Тимофеевич,

руководитель представительства Губернатора и Правительства Нижегородской области Российской Федерации в Республике Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

В статье анализируются цели, методы, способы и инструменты неокolonизации как объективно протекающего процесса современности. Показаны основные направления и меры противодействия этому процессу, который несет прямую угрозу экономическому и политическому суверенитету стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ.

XXI век – эпоха глобальной конкуренции, характеризующаяся резким усилением борьбы технологически развитых (западных) стран за дефицитные, быстро иссякающие ресурсы [1]. Современная стратегия решения сырьевой проблемы «золотым миллиардом» (глобальным центром), который из-за пагубной привычки к высокому уровню потребления быстро опустошил свои собственные недра, связана с захватом ресурсов периферийных стран через их целенаправленное ослабление вплоть до подчинения или полного уничтожения (стратегия неокolonизации).

Сегодня Западом разработана и активно применяется стройная, продуманная до мелочей система неокolonизации, предназначенная для всемерного ослабления конкурентов и нацеленная, в конечном счете, на решение сугубо экономической задачи – захват их активов (предприятий, инфраструктуры и т.п.) и природных ресурсов (см. рис. 1). Указанная система состоит из множества взаимосвязанных элементов, оказывающих разрушающее воздействие на мировоззрение, государство и экономику развивающихся и трансформирующихся стран [2, 3]. Эти элементы, как правило, основаны на внешне привлекательных лозунгах свободы, демократии, равенства и т.п., имеют вполне благообразный вид, однако, они суть «ловушки» либерализма, ибо наряду с декларируемыми целями в них скрыт и потаенный для неискушенного взора смысл.

Среди указанных элементов по степени разрушающего воздействия, безусловно, доминируют идеологические факторы. Они основаны на внедрении западных демократических «ценностей» и осознании безусловного приоритета прав и свобод человека. Их активное навязывание конкурентам под благовидным предлогом необходимости формирования конкурентной среды и «чудотворного» рынка, во-первых, ведет к преобладанию в общественном сознании эгоцентрического, индивидуалистского, потребительского мировоззрения. Последнее разобщает, «атомизирует» общество, провоцирует в нем рыночную конкуренцию как «войну всех со всеми», а значит, дезинтегрирует народнохозяйственный комплекс, делает его беззащитным перед лицом мощных западных транснациональных корпораций и банков (ТНК и ТНБ). Во-вторых, формируемое у человека с помощью СМИ эгоистичное, гедонистическое, потребительское отношение к жизни отодвигает на задний план морально-нравственные факторы, а значит, развращает, растлевает общество, ведет его к деградации, а в итоге – к депопуляции (вымиранию) (об этом подробно см. [2, с. 73–80]). Сокращение численности населения периферийных стран – исключительно важная для Запада цель, ибо в результате ее достижения объективно высвобождаются дефицитные природные ресурсы. В-третьих, в общественном сознании при посредничестве СМИ и системы образования укрепляется взгляд на государство как на неэффективного собственника, формируются представления о пагубности государственного регулирования экономики, а значит, о необходимости изгнания государства из экономики. В итоге общественность постепенно подготавливается к осознанию «естественности» и «целесообразности» либерально-рыночных реформ, которые по сути дела являются мощным фактором дезинтеграции, а значит, потери конкурентоспособности и разрушения экономики (об этом убедительно свидетельствует опыт стран бывшего СССР).

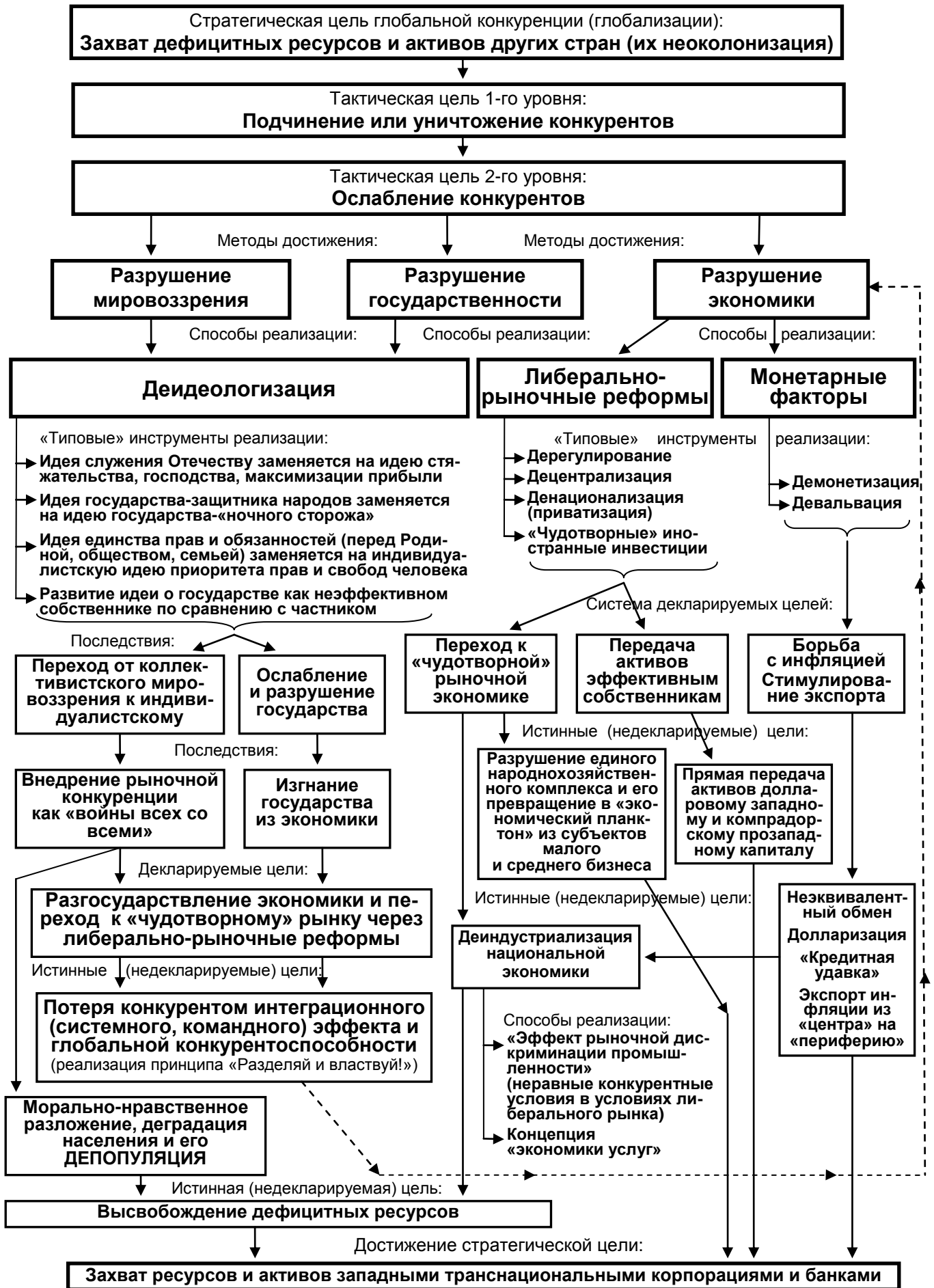

Рисунок 1 – Система неокolonизации, ее цели, методы, способы и инструменты осуществления

Начало либерально-рыночных реформ неизменно подразумевает *дерегулирование* и *децентрализацию* народного хозяйства (об этом подробно см. [2, с. 27-34]). Их цель – вытеснить из экономики государство, представляющее собой мощную интегрирующую силу, организовать переход к стихийно-рыночному саморегулированию, а значит, превратить единый народнохозяйственный комплекс в совокупность конкурирующих, враждующих друг с другом малых и средних предприятий. Навязчиво тиражируемая *откровенно лживая точка зрения о небывалой «эффективности» малого и среднего бизнеса* [4], который принципиально неконкурентоспособен перед лицом западных мегафирм, является узловым моментом экономического ослабления периферийных стран. Она ориентирует на добровольное превращение их национальных экономик в своеобразный «бульон» из «экономического планктона», служащий идеальной питательной средой для быстро растущих «китов» мировой экономики – западных ТНК и ТНБ. Столь ценяемая Западом конкурентная среда из малых и средних предприятий призвана стать на колонизируемых территориях товаропроводящей сетью западных мегафирм, тотально «выкачивающей» валюту из периферии обратно в центр в обмен на ширпотреб и прочие пищевые и непищевые суррогаты.

Мощным дезинтегрирующим, а значит, разрушающим экономику фактором является *денационализация* (приватизация) общенародной собственности (об этом подробно см. [2, с. 35-39]). Однако у приватизации наряду с дезинтегрирующим (разрушающим) воздействием есть и другое не менее важное предназначение – с ее помощью при активном использовании «заезженного» *рыночного мифа о «чудотворной» силе иностранных инвестиций* западные страны могут скупать активы в периферийных странах. При этом нужно иметь в виду, что приобретение Западом реальных активов происходит в обмен на продукцию американского (европейского) печатного станка, то есть за «бумажки с картинками» (доллары США, евро или что еще хуже – прочие «ценные» бумаги). Более того, в условиях поголовного отсутствия сколько-нибудь серьезных средств у населения периферийных стран приватизация, как правило, проводится западными или подставными «национальными» инвесторами за бесценок. В результате западные страны устанавливают тотальный контроль над активами и природными ресурсами развивающихся и переходных стран, по сути дела колонизируя их.

Исключительной разрушительной силой обладают *монетарные факторы*, активно используемые Западом для неокolonизации периферийных стран (об этом подробно см. [2, с. 58-72]). Под благовидным предлогом подавления инфляции (вероятно, по прямому указанию из глобального центра) денежные власти некоторых крупных периферийных держав до предела «сжали» национальную денежную массу. Разумеется, этот процесс, именуемый *демонетизацией*, вынужденно распространился (индуцировался) и на другие менее крупные трансформирующиеся страны. Сегодня он имеет столь ярко выраженный, хронический характер, что на протяжении последних 15-20 лет количество национальных денег в экономиках России, Беларуси, Украины и т.д. в 5-10 раз ниже общепринятой нормы, в 2-5 раз ниже порога безопасности и даже существенно ниже кризисного уровня. Например, при оптимальном значении коэффициента монетизации экономики (отношения денежного агрегата M2 и ВВП) 60-100%, пороговом – 50 и кризисном – 30%, в Беларуси этот показатель в 2008 г. был не более 22% (в 2000 г. – менее 3%). Во-первых, хроническая демонетизация экономики ведет к ее *долларизации*, позволяя западным странам сбывать свою главную продукцию – «резаную бумагу с портретами» – в обмен на природные ресурсы и результаты нашего труда. Обмен реальных благ на монетарную ничем необеспеченную массу – это главный фактор *неэквивалентного обмена*, а значит, межстрановой эксплуатации периферии глобальным центром. Во-вторых, искусственно созданный дефицит денег дает возможность банковской системе взвинчивать стоимость кредитных ресурсов и тем самым паразитировать на реальном секторе экономики («кредитная удавка»). В итоге через паразитарную банковскую систему финансовые ресурсы «выкачиваются» из реального сектора экономики (например, из промышленности) в сферу торговли и услуг. Масштабное «вымывание» оборотных средств промышленных предприятий в пользу банковских и торгово-посреднических структур обеспечивает условия для *деиндустриализации* – масштабного разрушения научно-технического и промышленного потенциала колонизируемых стран, примитивизации их национальных экономик. При этом расхожий рыночный миф о «животворящей» силе иностранных инвестиций призван помочь установить контроль долларовой капитала, прежде всего, над этой самой банковской системой для тотального «выкачивания» финансовых и прочих ресурсов на Запад (*глобальная «кредитная удавка»*).

Другим крайне деструктивным фактором является *девальвация* – искусственная недооценка национальной валюты относительно справедливого, определяемого паритетом покупательной способности (ППС) курса. Так, известно, что обменный курс денежной единицы соответствует ППС, если на некоторую денежную сумму и до обмена, и после него можно приобрести в разных странах одно и то же количество реальных благ. Развитые страны ежемесячно рассчитывают ППС своих валют по отношению к валютам других стран. При этом под ППС понимается соотношение между двумя денежными единицами, устанавливаемое по их реальной покупательной способности применительно к конкретному набору товаров и услуг. В частности, для базового (точного) расчета ППС в качестве такого набора (назовем его условной корзиной эквивалентных благ) использовалось 2956 продуктов, из которых 1410 приходилось на потребительские товары и услуги, а остальные 1546 – на производственные товары длительного пользования, включая машины и оборудование. Для ежемесячной корректировки ППС применяется «облегченная» условная корзина эквивалентных благ, включающая в себя набор из 92 товаров и услуг [6, с. 65].

Анализ статистики МВФ, Всемирного банка, ООН и др. свидетельствует, что в отличие от развитых стран обменные курсы национальных валют крупных периферийных стран кратно недооценены относительно ППС. Разумеется, из-за взаимозависимости экономик этот негативный процесс также индуцировался на другие менее крупные страны региона (табл. 1). Например, в Беларуси в 2008 г. обменный курс по ППС был равен 991 руб./долл. США при официальном курсе Национального банка Республики Беларусь 2150 руб./долл. Это означает, что обменный курс белорусского рубля был искусственно недооценен в 2,2 раза относительно его справедливого значения. Аналогичная картина наблюдалась и в других странах Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ. Вынужденная девальвация 2009 г. еще больше усугубила ситуацию.

Таблица 1 – Соотношение официального и определяемого ППС (справедливого) обменных курсов национальной валюты в некоторых развитых странах мира и государствах ЕврАзЭС в 2007 г.

Страна	ВВП по официальному обменному курсу национальной валюты, млрд. долл. США	ВВП по ППС, млрд. долл. США	Соотношение официального обменного курса национальной валюты и ППС, разы	Масштаб занижения официального обменного курса национальной валюты относительно ППС, разы
Великобритания	2772,6	2137,4	1,28	0,78
Франция	2560,3	2046,9	1,25	0,80
Германия	3322,2	2809,7	1,18	0,85
Россия	1343,7	2087,8	0,64	1,56
Казахстан	104,5	167,7	0,62	1,61
Беларусь	44,7	105,3	0,42 0,46 (2008 г.)	2,35 2,16 (2008 г.)
Кыргызстан	3,9	10,4	0,38	2,63
Таджикистан	3,7	11,8	0,31	3,19

Источник: рассчитано авторами с использованием информации сайтов МВФ и Всемирного банка, а также статических ежегодников Статкомитета СНГ.

Известно, что кратная недооценка (девальвация) национальной валюты губительно действует на промышленный сектор экономики, то есть является мощным фактором *деиндустриализации* народного хозяйства. Это следует из того, что национальные предприятия вынуждены закупать ресурсы по мировым (высоким) ценам и к тому же за кратно переоцененную иностранную валюту, а продают свою продукцию отечественным потребителям с их внутренней (низкой) заработной платой, а значит, по внутренним (низким) ценам. В итоге нередко бывает так, что стоимость одного только сырья превосходит ту цену, по которой готовая продукция продается на отечественных рынках. Следовательно, производственное предприятие зачастую становится убыточным за счет одной только искусственной недооценки национальной валюты и потому разрушается (об этом подробно см. [2, с. 67-72]). Неслучайно Заслуженный работник промышленности Республики Беларусь проф. С.А. Пелих неустанно указывает на то, что «курс нашего рубля к доллару в 3 раза ниже паритета покупательной способности, что свидетельствует о неэквивалентном обмене наших товаров и услуг и громадных потерях для экономики страны... Это законсервировало наше промышленное производство, которое неуклонно теряет свои позиции на международной арене» [5, с. 124–125]. С другой стороны, искусственная кратная недооценка национальной валюты есть главное условие *неэквивалентного обмена и экспорта инфляции*. И действительно, в условиях искусственной девальвации товары периферийных стран в глобальном центре необоснованно деше-

веют, а продукция развитых стран на периферии, наоборот, становится дороже. Этот процесс – суть экспорт инфляции из глобального центра на периферию.

Наряду с монетарными факторами принципиальное значение для деиндустриализации имеет «*эффект рыночной дискриминации промышленности*». Он заключается в том, что вопреки обыденным представлениям *либеральная рыночная экономика создает принципиально неравные конкурентные условия разным группам субъектов хозяйствования* (об этом подробно см. [2, с. 43-45]). Проблема заключается в том, что с обыденной точки зрения, присущей большинству людей, свобода и рынок должны однозначно порождать равноправие. Однако это не соответствует действительности по ряду объективных причин. Во-первых, свобода честного, порядочного человека (предпринимателя) изначально ограничена морально-нравственными нормами поведения, в связи с чем его возможности оказываются существенно меньшими по сравнению с его коллегой, не обремененным такими «пустяками». Во-вторых, свобода для изначально более слабого зачастую оборачивается участью служить добычей (пищей) более сильному. Так, вопреки представлениям о равенстве прав и возможностей в условиях рыночного капитализма сын олигарха изначально имеет больше возможностей для получения качественного образования, успешной карьеры и т.д., нежели сын простого труженика из сельской глубинки. Вот и получается, что либерализм порождает принципиальное неравенство.

Очевидно, что данная система взглядов вполне применима и к более крупным субъектам рынка. Например, промышленные предприятия *при прочих равных условиях* гарантированно имеют в несколько раз меньшую прибыль, нежели «вечно обиженные и ущемленные» торгово-посреднические структуры (табл. 2). Это неравенство вытекает из особенностей технологических процессов, реализуемых в сравниваемых субъектах хозяйствования, в результате чего длительность оборота оборотных средств (фактор 1) у промышленных предприятий оказывается в несколько раз больше по сравнению с торговыми фирмами при всех прочих равных условиях (факторах 2-4), а прибыль, соответственно, меньше (см. табл. 2).

Таблица 2 – К описанию «эффекта рыночной дискриминации промышленности» в условиях «равноправия» либерального рынка

Субъект хозяйствования	Авансированный оборотный капитал, руб.	Вариант	Фактор 1: длительность одного оборота оборотных средств, дней	Фактор 2: инфляция, % в год	Фактор 3: стоимость кредита, % в год	Фактор 4: удельный вес заемного капитала, руб.	Реальная выручка за 120 дней, руб.	Реальная прибыль за 120 дней, %
Промышленное предприятие	100,0	I	120	12	20	100	99,2	-0,8
	100,0	II		12	14	50	103,4	+3,4
	100,0	III		3	6	50	107,9	+7,9
Торговая фирма	100,0	I	30	12	20	100	134,2	+34,2
	100,0	II		12	14	50	138,5	+38,5
	100,0	III		3	6	50	142,7	+42,7

Столь явные конкурентные преимущества торгово-посреднических структур перед промышленными предприятиями, во-первых, дают им возможность кредитоваться в банках под существенно больший процент. В итоге коммерческая банковская система, ориентируясь на среднего кредитополучателя, устанавливает процентную ставку на столь высоком уровне, который вполне приемлем для посреднических фирм, однако, совершенно разорителен для субъектов реального сектора экономики («*кредитная удавка*»). Данная ситуация характерна для всех периферийных стран, где в отличие от развитых держав стоимость кредитов существенно выше рентабельности реального сектора экономики. В конечном счете, реальный сектор экономики периферийных стран, не имея доступа к финансовым средствам для целей модернизации производства, теряет свою конкурентоспособность и разрушается, а высвобождающееся сырье тотально вывозится в глобальный центр. А во-вторых, торговые фирмы могут приобретать иностранную валюту по менее выгодному обменному курсу, что приводит к ее недостатку у промышленных предприятий. Складывается крайне несправедливая ситуация, когда промышленные предприятия-экспортеры в жесткой конкуренции с зарубежными фирмами с трудом зарабатывают иностранную валюту на внешних рынках, а торгово-посреднические фирмы и индивидуальные предприниматели, банально импортирующие в страну продукцию западных корпораций, растрачивают эту самую драго-

ценную валюту, зачастую весьма бездарно, не прилагая к тому ни ума, ни сил. А ведь эта валюта по примеру совершивших прорыв в инновационную экономику стран (Японии, Германии, Китая, Кореи и др.) может и должна быть использована для технико-технологической модернизации производства и неоиндустриализации народного хозяйства. Оба обозначенных фактора – ограниченный доступ промышленности к кредитам и иностранной валюте – важные факторы деиндустриализации стран бывшего СССР. Кроме того, разрушению промышленного потенциала периферийных стран способствует активно навязываемая Западом лживая концепция «экономики услуг» [4].

Следует пояснить, что деиндустриализация периферийных стран – это важнейшее направление усилий Запада, ибо сокращение промышленного производства объективно высвобождает сырье для его последующего экспорта в развитые страны. С другой стороны, разрушение инновационно-промышленного потенциала колониальных стран лишает их технической, в том числе военно-технической возможности освободиться от колониального ига (см. ниже).

Анализируя причины происходящего, необходимо указать, что некоторые страны бывшего СССР, который объективно проиграл «холодную войну», получили от победителя марионеточных руководителей и соответствующие компрадорские режимы. Только этим можно логично объяснить бесчисленные парадоксы современности, начиная с загадочной неподсудности явных разрушителей Отечества и заканчивая масштабным ресурсным донорством (выплатой контрибуции, дани) в пользу победителей (об этом подробно см. [2, с. 23-27]). Для решения обозначенных проблем некоторым странам бывшего СССР, прежде всего, необходимо освободиться от колониального ига и прозападной разрушительной дезинтегрирующей идеологии, в том числе в сфере СМИ, экономической науки и образования.

Кроме того, жизненно важно повысить уровень и качество государственного регулирования экономики, в том числе нормализовать параметры функционирования монетарной сферы, а также мерами специальной промышленной, валютной, кредитно-денежной, налоговой политики компенсировать «эффект рыночной дискриминации промышленности». При этом механизм компенсации указанного эффекта по примеру стран, осуществивших в свое время индустриальный прорыв, должен предусматривать следующие меры: предоставление крупным, стратегически значимым компаниям кредитных ресурсов для технико-технологической модернизации производства под формальные проценты; предоставление таким компаниям существенных налоговых льгот и преференций; обеспечение равноправия промышленных предприятий в доступе к иностранной валюте через их объединение в рамках отдельной «рыночной площадки» и введение ограничений на перетекание заработанной ими валюты на другую «рыночную площадку», интегрирующую торгово-посреднические структуры; ограничения по внутреннему конвертированию иностранной валюты в целях предотвращения ее «разбазаривания» нашими индивидуальными предприятиями и гражданами-туристами в виде инвестиций в экономику и без того развитых стран; восстановление оптимальных параметров функционирования монетарной сферы, включая доведение (кратное повышение) коэффициента монетизации экономики до 100% и обменного курса национальной валюты до ППС; усиление защиты отечественного банковского, торгово-посреднического (особенно экспортно-ориентированного) и сырьевого секторов от установления контроля над ними со стороны зарубежного капитала и т.п. При этом речь идет отнюдь не о создании искусственных конкурентных преимуществ крупным промышленным предприятиям, а как раз, наоборот, – о компенсации «эффекта рыночной дискриминации промышленности» и создании для нее условий хозяйствования на принципах подлинного равноправия. Кстати говоря, перечисленные изменения «правил игры» необходимо реализовать совсем не вопреки желаниям Запада, а как раз в полном соответствии со столь ценимой им демократической традицией обеспечения равенства прав и возможностей, в том числе для дискриминированных на рынке производственных предприятий.

Кроме того, давно назрела необходимость решительной смены экономической научно-образовательной парадигмы. Господствующая система экономических знаний в ее нынешнем убогом «экономиксовом» варианте способствует возникновению глобальных кризисных процессов и теоретически легитимирует деиндустриализацию, ибо до предела унижает созидательный труд и производственную деятельность, абсолютизируя сферу обмена и «труд» всевозможных рыночных менял – посредников-спекулянтов, банкиров-ростовщиков и биржевых игроков (об этом подробно см. [2, с. 84-92]). По большому счету, описываемый «эффект рыночной дискриминации промышленности» является частным случаем общей проблемы эксплуатации труда капиталом.

Иными словами, если мы придали марксизм-ленинизм анафеме, то это отнюдь еще не означает, что тем самым мы отменили рыночно-капиталистическую эксплуатацию, которая в условиях глобализации также сделалась межстрановой, глобальной. В качестве новой экономической парадигмы может быть принята, например, потребительно-стоимостная концепция экономической теории (В.Я. Ельмеев и др.), ставящая во главу угла созидательный труд человека и его производственную деятельность [1, 7].

Стратегическим приоритетом XXI века для стран бывшего СССР должен стать курс на *неоиндустриализацию* с целью 3-4-кратного повышения производительности труда в сфере материального производства на базе его *автоматизации и вертикальной интеграции* [4].

Литература

1. *Байнев, В.Ф.* Научно-технический прогресс и устойчивое развитие: теория и практика полезностной (потребительно-стоимостной) оценки эффективности новой техники: Монография / В.Ф. Байнев, Е.А. Дадеркина; под общ. ред. проф. В.Ф. Байнева; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2008. – 189 с.

2. *Байнев, В.Ф.* Социально-экономическое развитие и «ловушки» рыночного либерализма: курс на неоиндустриализацию: Монография / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник; под общ. и науч. ред. проф. В.Ф. Байнева; Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2009. – 114 с.

3. *Винник, В.Т.* Источники национально-экономического развития: ловушки либерализма / В.Т. Винник. – Минск: УП «Технопринт», 2005. – 149 с.

4. *Губанов, С.С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С.С. Губанов // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3-27.

5. *Пелих, С.А.* Деньги, кредит, банки. Новое учебное пособие / С.А. Пелих // Белорусский экономический журнал. – 2004. – №3. – С. 124–126.

6. *Пелих, С.А.* Проблемы денежно-кредитных отношений: сб. науч. трудов / С.А. Пелих. – Минск: Право и экономика, 2007. – 250 с.

7. *Ельмеев, В.Я.* Социальная экономия труда: основы общей политической экономии / В.Я. Ельмеев. – С.-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2007. – 560 с.